

... Прошло несколько дней, но я уже знала все наказания, испытала не раз на себе каждое из них, и знала все штуки, которые выкидывали каждый день деректриса Наталья Ильишна и КО. Дело было так: утром, после ледяного группового душа вся наша комната вытиралась, ложилась на кровать, не одевалась, конечно, и ждала. Этот момент Юлька пропустила, чтоб не уж так сильно шокировать новенькую, т. е. — меня родную. Мы ложились, и через минуты две-три-четыре приходила Наталья Ильишна собственной персоной, и еще несколько человек с ремнями. Н. И. (далее я буду звать её так) занималась лично мной. Она оспала мою задницу сильнейшими ударами, предварительно привязав меня специальными веревками, которые все время были на кровати, их никогда не снимали, и ноги и руки оставались привязанными. Я выла от боли, мычала, плакала и умоляла, но ничего не помогало — целых 15 минуток добрые руки Н. И. воспитывали меня как следует. Потом они отвязывали нас и уходили. Потом мы шли на завтрак, потом — на занятия, а потом на обед. Потом был тихий час, а Н. И. ходила по комнатам и проверяла, все ли спят.

Находит она тебя — переворачивает на спину, привязывает, зовет специально-обученного мускулистого чела с жутко-огромным ремнем, который стегает тебя так, что ты чуть не теряешь сознание от боли. Это происходит около пол-часа, потом он отвязывает тебя, все начинают делать уроки, потом идут на ужин, а потом в библиотеку читать, а потом-спать. Ты же все эти четыре часа должна спать, а потом наутро, если ты не сделала уроки — тебя хлестают также, и им бесполезно объяснять, что ты была наказана — они сами это и так, без твоих объяснений знают. На уроке, если ты говоришь или смеешься, то тебя подманиют к себе, ты ложишься на специально приготовленную лавку и тебя порят у всех на глазах, пока другая учительница объясняет тему урока. За малейшую провинность тебя лишают завтрака, или обеда, или ужина, или сразу двух приемов пищи, трех не бывает — уж слишком бесчеловечно, хотя, взять, Н. И. с натяжкой можно назвать «человеком», если можно назвать человеком вообще. За малейшую провинность тебя бьют, если ты показываешь неприличные жесты — то пребольно по рукам, за незнание какого-то предмета — подзатыльники дают, а за остальное — скажем, за тройки и двойки — по попе, а если ты сильно провинился, скажем огрызнулся препода, то сразу и по попе, и по спине. Если ты паинька — в любом случае тебя бьют каждый вечер для профилактики (нашу комнату били два раза в день, утром и вечером, за то что мы часто получали тройки и двойки, а каждую субботу обязательно бьют целый час — тоже для профилактики. После месяца в этом гребаном интернате я обезумела от жестокого обращения и от боли, и мы с моей лучшей подругой Юлькой решили сбежать. Дело было ночью, мы жили на втором этаже. Мы видели в кино, как связывают из простыней веревки, и мы разорвали наши простыни на двое, связали четыре «веревки», и спустились вниз. Потом мы преодолели могучий-могучий кирпичный забор, и кинулись бежать. Мы бежали около часа, ужасно устали и решили передохнуть.

От усталости и радости у нас совсем помутнилось в головах, и мы не стали прятаться, а так и уснули в канавке, то есть прямо около дороги.

Пробуждение было ужасным... !

Нас ПОЙМАЛИ!

Было утро, совсем раннее. Над нами стояла Н. И. и садистски улыбалась. Она размахнулась и со всей силы дала сначала Юльке, потом мне, пощечину. Сильнейшая боль сразу привела нас в чувство. Нас заставили рассказать, все, до единой капли, все как было. Мы повиновались. Сопративлятьс ябыло поздно. Нас явно ждало что-то, и мы представить себе не могли, что. Сначала нас около часа дико пороли, но мы вытерпели всё по-геройски. Потом нас поставили на горох на два часа, и я жутко ревела к концу этого «испытания». Потом Н. И. дотстала плеть и исполосовала наши зады и спины до крови... У меня была истерика, а Юлькину силу воли, казалось, сломить не возможно. Ее спина и попа была исполосована, но она не думала плакать вообще. Она была очень мужественна. Я восхищалась ей. Потом нам предоставили пятнадцати-минутный ледяной душик, не дав вытереться. Потом Наталя Ильишна схватила нас за волосы и поволокла куда-то. Мы пришли в другую комнату. Она мерзко поулыбалась и сказала нам, что..."щас будет весело»

Нам весело не было. Наши тела были исполосованы. Она выпорола нас ремнем с пряжкой, потом решила передохнуть и нам тоже ехидно посоветовала, приказав нам сесть на средний шпагат и поднять руки вверх. Сразу прибежали четверо мужиков, которые держали наши ноги. Через пять минут руки отекали, а ноги раздирало от боли. Я орала, Юлька сидела молча. Но я-то знала, что она никогда не занималась гимнастикой и никогда в жизни не садилась на шпагат. А тут... НУ ничего, это были цветочки. Потом эта садистка положила нас на животы и привязала по рукам и ногам. Те же самые мужики начали дубасить нас палками по пяткам.

Я ревела, извивалась, ругалась матом и проклинала Н. И., назвав садиской и стервой. Юля молчала. Н. И. приказала перестать бить меня и сказала: «Мальчики, постарайтесь выбить из этой партизанки Степановой хоть словечко, а что касается этой размазни Черемушкиной, то я займусь ей сама. Она выпорола меня по заднице еще раз и за волосы потащила в комнату, с пугающим названием: «карцер», где было сыро, темно и жутко. Впихнула меня туда, показав на видеокамеру, и сказав, что не разрешает садиться. А сама принесла мне маленький телевизор, где было видно, как издеваются над бедной Юлечкой. Я смотрела стоя. Один из мужиков покрывал плетью спину, попу, руки, и ноги Юлюши, а другой бил по пяткам, да с такой силой, что я зажмуривалась и плакала. Сама же Юля лежала на горохе... Это продолжалось около пятнадцати минут, потом ее перевернули на спину и начали хлестать по грудям, по соскам, по лобку, по животу и по всему телу, кроме лица. Потом эти двое вставили свои громадные члены в попку и в писеньку Юленьки и отъебали бывшую девственницу по всей программе, потом меня вытащили из карцера и теперь уже с силой вставили члены в меня. Я перестала плакать, у меня уже не было сил, не слез. Юля стояла, покачиваясь, а потом свалилась на пол. Она потеряла сознание. Через пять минут у меня в глазах все поплыло и я отключилась. Пронулась я вся забинтованная в большой, светлой комнате, одна. Я с трудом встала и пошла по коридору. Мне навстречу неся санитар:

«Девочка, тебе нельзя вставать!» — завопил он и подхватил меня за плечи, судя по всему, намериваясь отнести в палату обратно. Я догадалась, что была в больнице. «Где у вас тут Степанова?»

— Юля?

— Да-да!

Санитар овел глаза...

— Она... она... умерла сегодня, минуты две назад... Мне очень жаль...

Я почувствовала, как по моей щеке покатилась слеза, а вот другая, третья...

По этому самому коридору неслась медсестра:

— Павлик, Павлик, эта девочка все же выжила! МЫ так долго за нее боролись! Она жива!

— Степанова? — спросила я, и во мне загорелся огонек надежды.

— Да! Она жива!

Что было дальше я не помню, помню только то, что Н. И. и КО посадили пожизненно, интернат «Ласточку» разогнали, и еще то, мои родители клялись, что не знали о физических наказаниях, извинялись за первую порку, и разрешили мне встречаться с моим парнем опять! И мы вернулись домой.

А Юля теперь жила около нас, в квартире напротив.

Был вечер, я вышла в магазин. Я еще не разу не видела своего парня Мишу. Я по нему сильно скучала... Но ведь прошел уже целый год, у него наверное другая девушка, а меня он уже не помнит. Я вышел из подъезда. Миша стоял там, где раньше, с огромным букетом бордовых роз, и улыбался. Я выронила пакет с кошельком, и заплакала. «Ты... ждешь... кого?» «Тебя!» — прокричал он, и его голос эхом разнесся по нашему дворику. «А ведь знаешь, я ждал тебя...» Я заплакала